

Федор Абрамов В Питер за сарафаном abramovfyodor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://abramovfyodor.ru/> Приятного чтения!
Федор Абрамов

В Питер за сарафаном

Опять горели где-то леса, опять солнце было в дыму, неживое, словно заколдованное, и песчаная раскаленная улица, вся расчерченная черными тенями – от амбаров, от изгороди, от поленницы, – светилась каким-то диковинным неземным светом. И временами казалось, там, за окнами, не то Кашеево царство из полузабытой сказки далекого детства, не то какая-то неведомая фантастическая планета.

Но вокруг-то нас с Павлом Антоновичем никакой фантастики не было. Старинная крестьянская изба с плотно закупоренными окнами по случаю дыма и чада на улице, большая, еще битая из глины печь, с которой терпко пахло осиновым листом (старик держал козу), и занимались мы самым обыденным делом – разговором.

Павел Антонович, хоть и не выпускал из рук полотенца – в избе было душно и жарко, – выглядел еще молодцом. За столом сидел прямо, умные серые глаза из-под густых, все еще черных бровей глядели твердо. Но странно бывает устроена человеческая память! Павел Антонович хорошо помнил сведения о «белоглазой чуди», некогда жившей у нас, на Пинеге, до прихода новгородцев и москвитян, живо мог рассказать о причудах кеврольского воеводы, которому возили питьевую воду за пятнадцать верст из одного холодного ручья, знал о пустынях в глухих чащобах на Юле, где в старину скрывались раскольники и беглые солдаты, а вот когда заходила речь о гражданской войне на Севере – он сам был участником ее, – память ему частенько изменяла.

Нас выручала Марья Петровна, его жена, полная, грузная старуха с удивительно молодыми глазами.

– Да ведь ты опять, дедо, не в те сани сел, – с легкой усмешкой поправляла она мужа и при этом поощряюще подмигивала мне: – Пишите, пишите! Нынче вся жизнь на бумаге. По прошествии какого-то времени Марья Петровна, сочувственно поглядывая на меня и на мужа, сказала:

– Все вы упарились. Не знаю, разве к Филиппьевне сходить. У ней завсегда квас на погребе. Старинного покроя человек... – И тут же воскликнула: – Вот она, легка на помине!

Я почувствовал, как легкая тень прошла по моему лицу, и вскоре услышал шорох веника на крыльце, скрип наружной двери. В избу вошла старушонка. Чинно перекрестилась, разогнулась и прошамкала какое-то приветствие на старинный манер, вроде «все здорово-те».

До чего же эта была маленькая да ветхозаветная старушоночка!

И опять на память неволью пришла старинная сказка с ее добрыми и благочестивыми бабушками-задворенками. Впрочем, одета она была по-современному: стеганая коричневая безрукавка, серый матерчатый передник, сапожонки кирзовые, а от прошлого разве что полинялый бордовый сарафан, да домотканый пояс с кистями, да синий повойник, выглядывавший из-под теплого бумазейного платка, по-старинному повязанного концами наперед.

– Что, Филиппьевна, в гости? – спросила хозяйка, подавая ей табуретку.

– Како в гости? Середь бела дня в гости! Филиппьевне-то пензии не платят. Это вам, молодым, по гостям ходить. Пришла про рождение свое узнать.

– Ох ты господи! – всплеснула руками Марья Петровна. – Я и забыла тебе сказать. Завтра у тебя день рожденья.

– Завтра? То-то мне не сидится сегодня. Куделю пряду ноне. Председатель просит: «Выручи, Филиппьевна, без веревок сидим, никто не хочет престь». А как Филиппьевны-то не будет, к кому, говорю пойдешь?

– Бабушка, – подал и я свой голос, – а сколько вам лет?

– Кто у вас в гостях-то? Худо вижу – весь свет в дыму. – Филиппьевна поднесла сухонькую коричневую руку к глазам и, подслеповато щурясь, посмотрела в мою сторону. – Молодец кабыть? Откуда?

– Дальний, бабушка. – Я нарочно повысил голос, сообразуясь с ее возрастом.

– Чую, что дальний. У нас говоря-то кабыть потише, – с легким подковыром сказала старуха.

– Из Ленинграда, бабушка. Слыхала такой город?

– Она не только слыхала. Она бывала там, – не без удовольствия ответила Марья Петровна.

– Почто бывала-то? – с притворной сердитостью возразила Филиппьевна. – Я и в Питере бывала-то.

– Так ведь это одно и то же, бабушка, – рассмеялся я.

– Одно, да не одно. В Ленинград-то на машинах ездят да по воздуху летают, а в

Питер-то я пешком хаживала.

– Пешком?

– Пешком.

– Отсюда, из Ваймуши? – Это деревня километрах в четырех от Пинежского райцентра. – Подальше маленько. Верст десять еще прибавь. Из Шардомени.

Я перевел взгляд на Марью Петровну, затем снова посмотрел на старушонку. Да не морочат ли они меня? Ведь это же сколько? С Пинеги до Двины, с Двины до Вологды... Свыше полутора тысяч километров! И вот такая крохотуля промеряла это расстояние своими ногами...

Но еще больше удивился я, когда услышал, что она ходила в Питер – за чем бы вы думали? – за сарафаном...

– Правда, правда, – горячо заверила меня Марья Петровна. – Ходила наша бабушка. За сарафаном ходила. Расскажи, Филиппьевна, не забыла еще?

– Как забыть-то... Мне еще тогда говаривали: ну, девушка, всю жизнь будешь вспоминать Питер. И верно: как вечер-то подойдет, так и почнет из меня жилочки вытягивать. Всю-то ноченьку как на вытяжке лежу.

– Это, Филиппьевна, годы выходят, – посочувствовала Марья Петровна.

– Да ведь мои годы еще что. Восемьдесят четвертый пойдет, а матенка у меня в девяносто лет за морошкой хаживала.

Павел Антонович, который с приходом Филиппьевны завалился на кровать и до сих пор хранил молчание, тут поднял крупную облысевшую голову:

– Про матенку-то ему неинтересно. Ты про то, как в Питер ходила. Раньше, бывало, только об этом и трещала. Питербуркой звали.

– Звали. И рассказывать любила. А сейчас вся дорога в дыму. А раньше-то? Как начну вспоминать, каждый кустик, каждую ямочку вижу.

Все-таки Филиппьевна поддалась уговорам.

– Вишь, родитель-то у меня из солдат был, бедный, – издалека начала она, – а нас у его пять девок. А мне уж тогда пятнадцатый год пошел, а я все в домашнем конопляном синяке хожу. Вот раз зашла к соседям, а у них посылка от сына пришла – в Питере живет. И такой баской сарафан прислал сестре – я дыхнуть не могу. Алый, с цветами лазоревыми – как теперь вижу... Ну, скоро праздник престольный подошел – богородица. Вышли мы с Марьюшкой – это дочь-то соседей, которым посылка из Питера пришла. Вышли впервой на взрослое игрище. Она в новом сарафане, а я в синяке, только пояском новым – сама соткала – подпоясалась. Смотрю, и робята толк в сарафанах понимают. Я хоть и маленькая росточком была, можно сказать, век недоростком выжила, а на лицо ничего, приглядна была. А Марьюшка, прости господи, тюря-тюрей – губы распустит, на ходу спит. А тут в новом-то сарафане нарасхват пошла. Бедно мне стало. Вот и думаю: мне бы такой сарафан! – боюсь в девках засидеться. А откуда такой сарафан возьмешь? Житье-то у родителей не богато. Братьев нет. Вижу, самой смекать надо. А где? Куда девку-малолетку возьмут? Ни в лес, ни в работницы. Да и сарафан-то питерский мутит голову. У иных девок тоже сарафаны, да не питерские – дак робята-то не так кидаются. Ну и порешила: пойду в Питер за сарафаном. Сходила...

– Эка ты, – подсадовала Марья Петровна, – да как ходила-то, рассказывай!

Филиппьевна вытерла темной рукой глаза.

– Мама, как услышала, что я в Питер надумала, заплакала. «Что ты, говорит, Олюшка, умом пошаталась?» А тата-покойничек, из солдат был, крутой на руку. Икону с божницы схватил: «Моя, говорит, девка! Иди, Олька. Люди же, говорит, ходят». Ну, матенка непривычна была перечить – не нонешнее время. Назавтра рано встала, хлебцы испекла, а тата уж воронуху запряг. Мама в голос, соседи прибежали: куда да куда девку собираете? А тата молчит, подхватил меня как перышко в сани и давай кобылу вожжами нахаживать. Тоже и ему не сладко было... Верст тридцать, до Марьиной горы, родитель подвез. Дал мне на прощанье рупь медью.

– На-ко, девка, иди с рублем в Питер, – всхлинула Марья Петровна.

– Да ведь деньги-то не трава – в лесу не растут. А дома-то у нас еще четверо по лавкам... Ну, дал мне родитель денег, перекрестил: «Иди, говорит, Олька, ищи свое счастье». А я как увидела, что он в сани садится, заревела: «О татонька, татонька, не уезжай. Не надо мне и сарафана». – «Нет, говорит, Олька, иди. Проходу тебе в деревне не будет, питербуркой звать станут».

Филиппьевна опять вытерла глаза.

– А все равно – и сходила в Питер, а прозвище приросло. Питербуркой и помирать стану.

– Ты скажи, как в лесу-то одна зимой осталась. – Марья Петровна прослезилась.

У меня тоже что-то защекотало в горле.

– Так и осталась. Кругом ели, как медведицы на задних лапах выстали, а я одна посередь дороги. И вперед ступить боюсь, и назад ходу нету. Отец-то у нас два раза говорить не любил... Спасибо людям. Меня как за руку до самого Питера вели.

Выпрошусь у кого на ночлег, скажу, куда иду, только головами машут да охают. «Полезай ты, говорят, скорее, дитятко, на печь». А иной раз и подвезут, а то опять когда подводы идут, и за подводами подбежу. Только один раз мужичок подшутил, не на ту дорогу направил. Дак уж его в деревне ругали. «Вот какой, говорят, бесстыдник, над кем смываться вздумал. Отольются ему эти слезы». А так что – грех обижаться. Приветили в каждой деревне. И молоком накормят, и картошки на дорогу сунут. Хлебцем-то, правда, бедновато было – голодный тогда год был...

– Давай дак, не все приветили, – поправила Филиппьевну Марья Петровна. – Забыла, как у мужика-то заплатки отработывала?

– Дак ведь то уж где было-то. К Вологде подходила.

– Верно, верно, до заплаток-то ты еще к лету шла.

– Хошь не к лету. К весне. За зимой-то чего бывает?

– Ну-ну, – с готовностью согласилась Марья Петровна. – Рассказывай. Про журавлей-то не забудь.

– Вишь вот, она и про журавлей помнит, – кивнула мне Филиппьевна, и темное морщинистое лицо ее заметно посветлело. Видно, очень уж дорого было ей это воспоминание. – Были, были журавли, – вздохнула она. – Я из дому-то зимой отправилась, а на Двину-то вышла – щука лед хвостом разломала. «Иди, говорят, прямо на весну». Вот и иду на солнышко. Тепло. Травка стала проглядывать, а потом и журавли полетели. И так мне стало тоскливо. К нам ведь журавли-то летят. Встану, голову кверху задеру: «Журавушки, журавушки, кричу, скажите нашим, что девку на дороге видели. Жива». Тата уж помирать собрался, вспомнил: «Я, говорит, сам, Олька, всю весну журавлей выспрашивал, не видали ли где мою девку?»

– Пишите, пишите, – наваливаясь на стол грудью, говорила мне Марья Петровна, вся взволнованная, мокрая от жары и переживаний.

– Чего сказки-то писать? Ему про гражданскую войну да про революцию надо, – вдруг подал голос с кровати Павел Антонович. Он, оказывается, не спал, а тоже слушал.

– Чего писать... – рассердилась Марья Петровна. – Про это тоже знать надо. В прошлом году из Ленинграда приезжали, сказки да старинные песни записывали. А я говорю, у нас бабушка есть – почище всякой сказки будет. Ну-ко, Филиппьевна, как тебе мужик заплатки-то ставил? – И Марья Петровна, предвосхищая дальнейший рассказ, весело подмигнула мне.

– Это уж, девка, близко к Вологде. Обносилась я, обтрепалась. Дорога сопрела, лужи выступили, а я все в катанцах бреду. Вот в одной деревне и выйди мне навстречу мужик. «Что, говорит, глупая, лето пугаешь? Есть, говорит, у меня сапожонки некорыстные – только заплатки поставить надо». Ну, я без памяти рада. «Ладно, говорит, дам я тебе сапоги, только уговор – за каждую заплату ты мне день с ребятами поводишься».

Филиппьевна пожевала старыми губами, криво усмехнулась:

– Много он заплаток наставил. Недели три я у него жила.

После этого старуха не без помощи Марьи Петровны припомнила еще несколько забавных случаев из своего многотрудного хождения, а затем, направляемая все той же Марьей Петровной, вошла наконец в Питер.

– Дома большие, каменные, и столько окошек в каждом доме – у нас во всей деревне столько-то не будет, сколько в одном тамошнем доме. А людей-то, господи, как воды льет. Лошадей-то скачет... А я с белым мешочком за спиной, батожок в руках, босиком, на само Невсько – главный пришепт – выкатила. Вот тут-то у меня ноженьки и отказали. Всю дорогу хорошо бежали, а на Невсько вышла – и отказали. Стою, с места двинуться не могу. Боюсь нырнуть-то в эдакий муравейник. Думаю, нырнуть-то нырну, а как вынырну? А мне суседа, Марьюшкина брата, разыскать надо. Дале догадалась: постой, ведь у меня бумажка есть, там все написано. Ну, бумажечку достала, держу в руках. А тата мне наказывал: «Ты, говорит, Олька, у бедных больше спрашивай – скорее скажут». А поди разберись, который тут бедный, который богатый. На кого ни погляди – все господа да барыни. Ну, нашелся кавалер, сам прочитал. «Тебе, говорит, девушка, на Васильевский остров надо. Иди, говорит, все по Невському пришепту, там царьский дворец будет». – Филиппьевна подняла голову. – Видела. И царьский дворец видела, и столб каменный. Стоит ли столб-то ноне? – спросила она у меня, и маленькие полинялые глазки ее на мгновение зажглись любопытством. – Вишь ты, все еще стоит, – покачала она головой. – Да и как не стоит. Каменный – чего ему деется.

Морщась, Филиппьевна попробовала разогнуться, потерла рукой поясницу.

– Вишь, вот где у бабушки Питер-то сидит. Так недоростком и осталась. Люди всю жизнь смеялись: «Стопталась, говорят, за дорогу».

– Ты про Питер-то Расскажи, – опять начала подсказывать Марья Петровна.

– Чего про Питер-то рассказывать? Я ведь в Питер-то не на гулянку шла. Робятки что в Питере, что у нас, в деревне, одинаково пеленки марают.

Федор Абрамов В Питер за сарафаном abramovfyodor.ru

– В няньках бабушка жила, – пояснила Марья Петровна. – Год у немца выжила. Меж тем Филиппьевна уже поднялась на ноги. Марья Петровна засуетилась, открыла старинный буфет, зашуршала бумагой.

– Это гостинцы тебе. Ко дню рожденья, – говорила она, засовывая небольшой сверток в газете за пазуху Филиппьевне.

– А про главное-то и не сказала, – вдруг пробасил с кровати Павел Антонович. – Сарафан-то как?

– Купила, – с досадой ответила старуха. – Все Невсько обошла, а такой же, как у Марьюшки, купила.

– Ну, и подействовал сарафан на ребят? – Павел Антонович, видимо, заранее зная ответ, захохотал.

– Подействовал. До пятидесяти годов в девках сидела.

Марья Петровна с непритворной сердитостью замахала на мужа руками – не растравляй ты, мол, старую рану, но Павел Антонович снова громыхнул:

– Не тот сарафан, наверно, купила.

Филиппьевна не сразу ответила, и бог знает, чего больше было в ее словах – неизбывной горечи или запоздалой насмешки над собой:

– Меня уж после люди надоумили. Не сарафаном, говорят, взяла Машка, а коровами. У отца-то ейного пять голов было, а у моего-то родителя в то лето ни одной.

Выйдя на крыльцо, Филиппьевна подняла голову и, поднеся к глазам сухую коричневую ладошку, поглядела на небо.

– Это на солнышко смотрит, – сказала со вздохом Марья Петровна. – Сколько, думает, зря просидела. Старорежимная бабушка!

Припав к окну, я долго провожал глазами ковыляющую по песчаной дороге маленькую, одинокую в этот час на деревенской улите старушонку. Шла она мелкими шажками, широко расставляя короткие негнувшиеся ноги в кирзовых сапожонках и важно, как на молитве, размахивая руками. Потом, дойдя до старого дома, она завернула за угол.

Пусто, совсем пусто стало на улице. Пахло лесным дымом, чадом, от песчаной дороги несло зноем пустыни, и только еле приметная цепочка следов, проложенная от крыльца к соседнему дому и все еще дымящаяся пылью, указывала на то, что тут недавно прошел человек.

Вот так же когда-то, думал я, проложила свой след на Питер безвестная пинежская девчушка. Давно смыт тот след дождями и временем. Скоро смоем время и самое Филиппьевну. Но хождение ее, как сказка, останется в памяти людей.

Да, хорошо это – оставить по себе хоть крохотную сказку, помогающую жить людям.
1961

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://abramovfyodor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!